Философия науки и техники
2026. Т. 31. № 1. С. 153–163
УДК 001.38

Philosophy of Science and Technology
2026, vol. 31, no. 1, pp. 153–163
DOI: 10.21146/2413-9084-2026-31-1-153-163

## КНИЖНАЯ ПОЛКА

*А.М. Конопкин*

# Онтология взаимодействия: политизация науки и «сциентизация» политики

***Конопкин Алексей Михайлович*** – кандидат философских наук. Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова. Российская Федерация, 432071, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5; e-mail: amkonopkin@yandex.ru

В статье анализируются дискуссии о современных отношениях науки, общества и власти на материале коллективной монографии «Наука как политический субъект. Проблемы, аналитика, дискуссии» (ред. В.Н. Порус, В.А. Бажанов. М.: Издательство РОИФН, 2023). В книге обсуждаются условия гармонизации отношений науки и власти путем наделения первой политической субъектностью и автономностью, без чего общественные интересы зачастую превращаются в средство примитивизации и коммерциализации науки. Показывается, что особенно сложна роль политической сферы как медиатора общественных интересов. В целом соглашаясь со звучащим в книге выводом о недостаточной степени осознания социального и политического веса современной науки, автор статьи высказывает мнение, согласно которому рост политической роли науки может быть не столько связан с демократизацией общества (наука в недемократических странах часто имела большее влияние, чем в демократических) или увеличением положительного влияния науки на общество через медицинскую, биологическую экспертизу, что предлагается некоторыми авторами монографии (нейронаука, эпигенетическая экспертиза могут легко стать инструментом политического давления), сколько с осознанием реальной субъектности науки и, как результат, получением относительной самостоятельности, которую и необходимо отстаивать. Особое внимание уделяется перспективам и опасностям политической биологии и политологии, моделям взаимодействия науки и общества в экспертизе проектов.

***Ключевые слова:*** наука, идеологизация науки, политическая субъектность, нейронаука

© Конопкин А.М., 2026

Наука и власть, власть науки и властвование над наукой, власть как управление и как господство над умами, знание как власть – думается, современные социальные и науковедческие исследования отнюдь не случайно часто касаются подобной тематики. Если до XVIII–XIX вв. и власть, и наука были довольно удалены от общества, то впоследствии их взаимное влияние резко выросло. Как в политике падение монархий вело к политизации общества, увеличению влияния революционной власти на общество, так и становление большой науки стало знаком того, что все больше сфер жизни общества подвергаются переустройству под влиянием результатов деятельности ученых. Наука Нового времени, как и политика, выступала в роли провозвестника более светлого будущего, стремилась к перестройке образования, претендовала не только на значимую долю общественного финансирования, но и на влияние на экспертизу осуществимости гражданских и иных проектов, на прессу. К примеру, столь разные экономико-политические теории, как теории А. Смита, К. Маркса, Дж.М. Кейнса, позитивистов, были едины в том, что проектировали переустройство общества именно на научных началах, от имени науки. При этом, однако, успехи подобных доктрин чаще связывались не с наукой, а с политическими лидерами, их проводившими, в провалах же часто обвиняли ученых.

В этом свете закономерно, что тема отношений в треугольнике «общество – наука – власть» стала анализироваться в самых разных контекстах, таких как политизация и идеологизация науки, коммуникация науки с обществом и властью, этические последствия науки и техники и т.д. В социологии знания наука понималась как исторический феномен, и само знание предлагалось осмысливать как порожденное социокультурной реальностью. Позитивисты же в противоположность этому подходу настолько гиперболизировали идею автономии науки, что их критиковали за игнорирование метафизических, этических аспектов научного познания. К. Поппер в своем труде об «открытом обществе» мечтал о том, чтобы все общество было организовано по лекалам научной деятельности. Антисциентисты полагали непродуктивным и даже считали тоталитарным желание распространить устройство науки на все общество, рассматривая научные истины как ненадежные. Постмодернист Ж.-Ф. Лиотар представлял науку как «большой нарратив», утративший свое значение наряду с другими великими идеями, такими как христианство или социализм.

Современный английский исследователь С. Фуллер раскрывает несколько моделей взаимодействия сфер знания и политики. У М. Вебера он находит призыв к тому, что политика должна быть более «научной» и ответственной [Фуллер, 2020, с. 126], у И. Лакатоса – мнение о негативном влиянии военно-промышленного комплекса на объективность науки, даже физики элементарных частиц, у П. Фейерабенда – призыв к передаче финансирования науки из рук национальных государств в местные сообщества, а у С. Тулмина – сетования на то, что наука слишком погружена в политику и «потеряла единство идентичности и цели, будучи вовлечена в процесс управления и производства богатства» [Там же, с. 239–240]. По мнению самого Фуллера, политики как на капиталистическом Западе, так и на коммунистическом Востоке в ходе холодной войны были заинтересованы в превращении науки в средство достижения больших политических целей [Там же, с. 124].

Реализация глобальных научных проектов, таких как атомный, геномный, энергетический, поставила вопрос о влиянии науки на общество, природу и политическую власть. Выделим некоторые проблемные зоны современных отношений науки, общества и власти:

– что называть наукой и кого считать ученым;

– в современных условиях должно ли общество жить, а экономика – управляться «по науке»;

– должна ли наука самостоятельно или только через политическую сферу решать некоторые социально-политические вопросы;

– является ли наука с точки зрения властных отношений инструментом осуществления политики, ее «серым кардиналом»;

– приведет ли политизация науки к утрате ее объективности и в конце концов к становлению невиданной по степени тотальности и мелочности контроля общества со стороны науко-технократии;

– есть ли у науки возможность постановки проблем и механизмы «навязывания» их обществу;

– какова политическая подоплека «нормальной науки» (в смысле Т. Куна) и меняется ли она в ситуации «постнормальной науки» (в ней, как считается, решающее слово не за экспертами, а за общественными деятелями).

В ситуации «новой неопределенности», описываемой концептами «постнаука», «постнормальность», «постправда», «информационные пузыри», техно-антиутопиями, возникают сомнения в том, что на этом новом витке общественного развития наука может улучшить свое положение в обществе, послужить основой для возрождения «нового гуманизма». Эти вопросы обсуждаются в монографии «Наука как политический субъект. Проблемы, аналитика, дискуссии» (2023), в которой отмечаются многочисленные социально-политические вызовы, стоящие перед наукой, обсуждается наличие у науки политической субъектности, разбираются некоторые практические сюжеты (эпидемия COVID-19, генетика и эпигенетика, политическая биология). Можно согласиться с авторами в том, что как нормальная наука (в смысле Т. Куна), так и постнормальная наука в наши дни политизируются, а государство требует от ученых социально и культурно значимых прогнозов [Порус, Бажанов (ред.), 2023, с. 20]. Наука представляется обществом не как ценность сама по себе, но скорее как средство устойчивого и безопасного развития. Тенденции последнего времени: политизация и коммерциализация чистой науки, как бы оторванной от нужд общества, занятой только решениями не обещающих непосредственного практического знания головоломок, отказ от научной экспертизы, проводимой профессионалами, что ведет, по мнению авторов, к установлению своего рода власти толпы, не обладающей необходимыми для эффективных решений знаниями. Никто не отвечает за качество экспертизы и прогнозов в постнормальной науке – ответственность размывается между разными социальными акторами. Это говорит о политической зависимости науки, к тому же в недемократическом обществе субъектность науки невозможна или же является имитационной. В.А. Бажанов и В.Н. Порус призывают обратить особое внимание на средства массовой информации, которые должны быть компетентными, независимыми и не быть проводниками опасных

и нелепых мифов о науке, не должны выступать орудием лоббирования интересов экономических и политических групп. По мнению В.А. Бажанова, научное сообщество должно осознать опасность приписывания науке статуса политической нейтральности, т.к. он чреват преследованием обществом мнимых целей. В.Н. Порус же считает, что политическая субъектность для науки в виде политической активности, служения критически не осмысленным политическим целям нежелательна и привела бы к коренному изменению культурного и социального статуса науки; наши мнения об успешности или неуспешности участия ученых или научных институций в политической деятельности сами по себе формируют в некотором смысле эту действительность. С высказанной точкой зрения хотелось бы солидаризироваться, ведь ученые, действительно, не так уж часто хотят участвовать в политике и склонны искать защиты своих интересов через политические партии, лидеров или иные институты, даже если не зависят напрямую от государственного финансирования.

Высказанное авторами коллективной монографии мнение о дефиците властного авторитета у науки может оспариваться как напрямую, так и в виде отказа от политических притязаний науки. Распространено мнение, что у науки и так есть немало власти, а наука и ученые все же являются специфическими участниками политического процесса; хотя наука непосредственно и не борется за власть, но она формирует мировоззрение социума. Так, Е.В. Масланов обращает наше внимание на то, что экспертные исследовательские центры, работающие по заказам правительства, напрямую дают как ответы на те или иные конкретные вопросы, так и создают концептуальные проекты реформ. Этот факт все-таки говорит о наличии политической субъектности у науки. Кроме того, наука предлагает концептуальные сети понятий, поэтому само мышление общества во многом зависит от науки. Е.В. Масланов соглашается с В.Н. Порусом и В.А. Бажановым, что наука должна связывать обретение политической субъектности с общим процессом подлинной демократизации общества и идеей «гувернаментальности» как появления «гражданской науки», демократизации политического управления для того, чтобы наука могла претендовать на статус политического субъекта.

Особенно большое влияние наука может иметь в авторитарных и тоталитарных обществах, в которых она ориентируется властью на обслуживание своих интересов. В таких обществах не существует каких-либо общественных барьеров, которые могли бы остановить далекое от оптимальности использование его ресурсов. Как отмечали американские специалисты по PR Ш. Рэмптон и Дж. Стаубер, в борьбе между демократией и авторитаризмом, навязывающим обществу «опеку», только некоторые бунтари вроде Г. Галилея восставали против «опеки», остальные же охотно служили власти [Rampton, Stauber, 2001, p. 34–35]. Сциентизацией политики можно условно назвать ситуацию использования политики как средства удовлетворения научных амбиций. Так, более столетия муссируется идея колонизации других планет или даже звезд. Все ресурсы должны быть направлены, к примеру, на то, чтобы на Марсе зацвели яблони и строились поселения землян, хотя космические проекты требуют огромных затрат. В конце 1980-х гг., тяжелейших для советского общества, был реализован дорогостоящий проект многоразового космического

корабля «Буран», не принесший обществу особой пользы. Авторы коллективной монографии отмечают и другие опасности сращивания науки и политики, описанные в антиутопиях Ф. Карсака и З. Иштвана. Наука в них дает тоталитаризму когнитивную легитимацию, а политика ставит науку в положение своего рода религии. Как утверждают Ш. Рэмптон и Дж. Стаубер, это началось в 1920-х гг. с появлением массового производства, массовых коммуникаций, массового потребления и веры в технологический прогресс как квазирелигию, и все эти тенденции включали убежденность в том, что проблемы общества можно устранить инженерными средствами, что демократия опасна, а важные решения следует оставить в руках экспертов [Rampton, Stauber, 2001, p. 42].

Как же решать важные для общества вопросы, в которых заинтересованы и наука, и правительство? Кто должен предлагать варианты, какие из них считать допустимыми, и сакраментальное: а судьи кто? Возможна ли в науке политически нейтральная экспертиза? В современных условиях неопределенности решения принимаются быстро, повышается вероятность лоббирования, политического заказа. Л.А. Тухватуллина предлагает разделить экспертизу на две части, где одна часть – техническая (как открытое обсуждение), в нем участвуют не только ученые, но все заинтересованные стороны и выбирается стратегия. Варианты стратегии определяются учеными на первом этапе экспертизы, а на втором этапе из вариантов, предложенных учеными, общественная экспертиза выбирает наиболее предпочтительный с точки зрения общественности. В то время как В.А. Бажанов и В.Н. Порус опасаются переориентации науки на потребителей и ее тотальной коммерциализации, автор двухступенчатой модели считает, что такой опасности быть не должно и потребители не смогут предписывать ученым то, каким образом должен быть достигнут научный результат экспертизы. Вовлечение же обычных граждан в те или иные формы научного знания или даже производства научного знания способствует укреплению положительного мнения о науке среди обычных людей, хотя Л.А. Тухватуллина одновременно признает опасность того, что различные участники социальных взаимодействий могут пользоваться ее авторитетом для продвижения своих идеологических вопросов (к примеру, экологические активисты). В этом случае наука используется для конструирования реальности и навязывания обществу парадигмальных взглядов на проблемы. Кроме того, опасность таится в отсутствии финансово-политической и идеологической независимости научных коммуникаторов или журналистов, которые освещают в средствах массовой информации вопросы, связанные с наукой. Со сказанным в целом можно согласиться, однако стоит отметить, что использование научных теорий, экспертиз не только неизбежно, но и желательно в еще большем размере, если мы вообще ведем речь о большем политическом влиянии и субъектности науки.

Показателен выбор для микроанализа случая эпидемии COVID-19. Когда эксперты по эпидемиям были согласны между собой и призывали ограничить все контакты между людьми, экономисты отмечали, что такие меры чреваты глубоким экономическим спадом. Л.А. Тухватуллина показывает, что единства научной позиции здесь не было и не могло быть, а консенсус достигался сложным путем компромиссов.

Общество в целом как расширенная лаборатория, в которой происходит синтез метаструктур и взаимодействие научного дискурса и общественных интересов, анализируется Е.А. Жарковым. В качестве возможного ориентира для действий он приводит призыв З. Сардара к тому, что науке нужно изменять свои принципы, чтобы преодолевать пороги иных конкурирующих субъектов политики, сохраняя при этом собственную онтологию как поиск истины и мудрости, тем более что сейчас неясны детали онтологического сдвига, при котором субъектность науки могла бы стать «полноценной» реальностью. Также стоит добавить, что З. Сардар понимает современную науку как «западную» по своему характеру, которую, однако, необходимо переделать по исламским образцам (цит. по: [Stenberg, 1996, p. 275–276]). Поэтому он скорее говорит не о возможностях для существующей науки, а о возможностях, которые возникнут после того, как «западная» наука будет сброшена с «корабля современности».

Продолжая дискуссию о политической субъектности науки, обратимся к этимологии английского слова “subject” [The New Shorter Oxford English Dictionary, 1993, p. 3118]. Английские смыслы связаны не с «активностью», «свободой», а со значениями «подчинение», «зависимость». Исторически «субъектом» можно было стать, лишь попав в подчинение английской короне (в речи выражалось как «я – субъект английского права»). Так обреталась субъектная независимость в личных делах. Субъект – это сознательные разумные действия, ощущение «самости».

Субъектность науки также не может быть не связана с подчинением, в рамках которого должна появляться доля самостоятельности. Ученые, обретая бóльшую политическую субъектность, неизбежно теряют субъектность в качестве агентов чистого разума или познавательного интереса, ведь вместе с политическим весом приходят и обязательства. Что же в таком случае является источником мнения о недостатке политической субъектности науки как института? Желание ли еще большей субъектности как подчиненности социально-политическим запросам или желание еще большего влияния, финансирования и свободы действий, но без усиления подчиненности науки? Вряд ли многие ученые хотели бы первого варианта, хотя он реалистичен. Во втором случае предполагается, что все иные институты общества должны смириться с особой властью науки как супервлиятельного лоббиста, имеющего привилегию решения не только внутринаучных, но и многих социальных вопросов. Это наводит нас на целый ряд парадоксальных противоречий в треугольнике отношений «общество – наука – власть»:

- зачастую ученые хотят политической или финансовой власти, влияния на общество, но опасаются политизации, социализации в смысле службы приземленным интересам;
- ученые обычно полагают недостаточной политическую роль науки, в то время как в ходе истории ее роль в политике, управленческих решениях только возрастает; никто не спрашивает, имеет ли политическую субъектность спорт, должны ли кулинары бороться за власть, хотя их влияние на политику видится меньшим, чем у академиков;

• стремление науки (в классическом понимании) к однозначной истине более сочетаемо с черно-белым видением мира тоталитарными режимами, чем с демократическим плюрализмом;

• существует противоречие между демократическим и индивидуалистическим характером науки, между желанием получить политическую субъектность в целом как социальный институт и через его отдельных представителей.

Эти парадоксы обсуждались в свое время в специальной работе о науке и ценностях Х. Лэйси, где утверждалось, что выбор стратегии в науке неизбежно связан с социальными ценностями, хотя сами научные теории должны определяться ценностями когнитивными; экспертиза и исследования не должны ограничиваться рамками научного сообщества, в него должны быть включены и общественные группы, особенно занятые конкретной практикой (например, сельскохозяйственной) [Лэйси, 2008, с. 326]. Наука не является ценностно нейтральной. По мнению Х. Лэйси, это хорошо, ведь наука и так часто оторвана от общества и занята внутренней конкуренцией и самовоспроизведением, неправильны «эпистемические привилегии» для тех, кто все внимание уделяет научной карьере, пренебрегая семьей и социальными интересами. Такие люди не в состоянии осознать практику, невежественны относительно социальных возможностей [Там же, с. 327]. Научные открытия и технологии не ценностно нейтральны, т.к. порождают условия для усиления власти одних людей над другими [Там же, с. 252]. В том же духе и С. Фуллер замечает, что реальная наука регрессировала от борьбы за признание к борьбе за выживание [Фуллер, 2020, с. 131]. Начиная с XX в. общественное признание важности работы ученых не вызывает сомнения, однако усугубилась зависимость науки от грантов, ученые ощущают себя не вполне уверенно в условиях временных контрактов на работу, поэтому можно понять их озабоченность сохранением своего статуса и условиями конкуренции с коллегами.

Обращает на себя внимание, что некоторые из авторов монографии поддерживают ограничения для прессы, подозревая ее в пристрастном и неправильном освещении вопросов, связанных с наукой, и зависимости от финансово-промышленных кругов. Вряд ли при этом будут приняты во внимание ссылки журналистов на то, что они не имеют политической субъектности, лишь создают продукт и никак не отвечают за его использование. В то же время эта позиция популярна среди ученых по отношению к использованию науки политиками. На опасения о вмешательстве некомпетентной публики в процесс экспертизы можно возразить, что это неизбежно при демократии, а само знание не нейтрально в социальном плане, даже если истинно в научном смысле.

Думается, высказанная авторами обсуждаемой коллективной монографии некоторая неудовлетворенность нынешним положением науки объясняется не только недостатком полномочий, но осознанием субъектности как подчиненности без ощущения субъектности как самостоятельности, невозможности осуществления прав и свободы действий в уже имеющихся рамках. В этом случае проблема видится не в том, чтобы сама наука стала властью, но в восстановлении науки, да и других общественных институтов, в их правах, реальном

ограничении политического контроля над обществом и наукой, в осознании авторитета научных экспертов.

Особенно животрепещуще переплетаются интересы науки, общества и политики в генетических и биомедицинских технологиях. Одной из возможных плодотворных зон взаимодействия науки и политики является развивающееся направление исследования негенетических форм наследования и социального влияния на наследственность и фенотип. Эта известная сфера биосоциальных работ в последнее время дает новые результаты в плане нейроисследований формирования политических и социальных убеждений у людей, влияния жизненного опыта на фенотип и возможности его передачи потомству. Распространяется теория о многоканальности передачи генома и эпигенома, эволюции в целом (феномен генкультурного наследования). Одним из сторонников этой точки зрения является В.А. Бажанов, автор работ о социополитических аспектах эпигенетики, нейробиологических аспектах политики и религии. Он полагает данные эпигенетики важными и для эпистемологии, и для обладающей особым статусом научной практики – в той мере, в какой они формируют одну из основ научной экспертизы. Изучая прямое влияние окружающей среды и социума на генотип на протяжении всего жизненного цикла, эпигенетика утверждает, что воздействие жизненных перипетий имеет долгосрочный характер: организмы и их развитие в этой парадигме зависят от экологии, питания, стрессов, войн, геноцидов, болезней, имевших место даже при прошлых поколениях. Все это говорит о наличии механизмов биосоциального межпоколенческого наследования.

Не меньшего внимания согласно В.А. Бажанову заслуживают перспективы политической биологии и политической эпистемологии, которые знаменуют наступление постгеномной эры и пересматривают догмы геноцентризма. Политическая биология или политическая нейронаука возникает как ответ на вопросы о поиске корреляций между политическими идеологиями и нейробиологическими особенностями людей, о возможности генкультурной детерминации. В.А. Бажанов убежден в плодотворности натуралистического анализа социального, полагая биологическими причины разных форм социального поведения, ведь экономика, психология, медицина уже испытали влияние естественнонаучных методов. Когнитивные стили мышления людей и целых народов, согласно исследованиям, приводимым В.А. Бажановым, зависят от нейрологических и генетических особенностей, по-разному проявляются у «западных» и «незападных» культур [Порус, Бажанов (ред.), 2023, с. 107–110]. Условные модернизм и консерватизм, как показывают такие исследования, также связаны с географией и принадлежностью к определенному когнитивному стилю – аналитическому или холистическому; можно говорить о некоторой степени нейродетерминации культуры (и наоборот).

Нельзя не согласиться с мнением сторонников натуралистического подхода о том, что через натурализацию и увеличение строгости гуманитарных исследований наука в целом может обрести субъектность как актор-эксперт. Эксперты, полагает В.А. Бажанов, смогут сформировать своеобразный коллективный анамнез общественных групп. Как история болезней может прояснить текущее состояние организма, так и коллективная память о невзгодах народа

может прояснить девиации в поведении, психологии, особенности эволюции тех или иных социальных групп и т.д.

Тезисы В.А. Бажанова вызвали живейшую дискуссию, материалы которой представлены в заключительном разделе коллективной монографии «Наука как политический субъект…». В статьях Е.А. Жаркова, Е.В. Масланова, Л.А. Тухватуллиной, С.В. Шибаршиной упоминается о неопределенности эпигенетических исследований, опасности политизации, упрощения и искажения научных рецептов, личной ответственности и генетической предопределенности. Популярность эпигенетики сравнивается с «наноаферами», когда приставка «нано» клеилась буквально ко всему. Е.А. Жарков отмечает, что эпигенетика может быть использована для оправдания бесхарактерности людей с лишним весом, т.к. она дает возможность списать все на сбои в предшествующих поколениях. Е.В. Масланов снова поднимает вопрос о том, кто же будет отвечать за решения, которые принимаются на основе эпигенетических исследований, будут ли это профессиональные политики или ученые, и обращает внимание на опасность того, что наука может быть вовлечена в выявление неудобных для властей людей. Это стало бы новым витком идеологизации и использования науки для конструирования общества тотального контроля. В заявленной роли эпигенетики автор видит возрождение биологического редукционизма как лишения социального специфики.

Кроме того, политическая экспертиза, по замечанию Л.А. Тухватуллиной, вряд ли будет поддерживать демократические механизмы и не сделает политические решения более справедливыми. Предлагая единственное решение, эпигенетика входит в противоречие с традиционным политическим многоголосием, многопартийностью, Л.А. Тухватуллина даже сравнивает однозначно эпигенетическое решение с окончательным решением «еврейского вопроса», с чем вряд ли можно согласиться. Автор также опасается, что политики будут упрощать, а то и вовсе извращать научные данные, хотя в самой науке всегда подчеркивается неопределенность результатов, мера значимости и возможные ошибки.

С.В. Шибаршина отрицает сам эпигенетический переворот и замечает, что генетика и эпигенетика не так уж различаются и дополняют друг друга. Эпигенетические исследования усиливают старые и создают новые этические риски. Автор опасается навязывания людям тех или иных вариантов здорового поведения и клеймения чего-то как нездорового. С этим можно согласиться как с тенденцией, уже имеющей место (например, в пропаганде странных диет, где некоторые продукты произвольно стигматизируются). Особенно сильно эпиполитика может ударить по бедным людям. С.В. Шибаршина обращает внимание, что в художественной литературе уже описаны антиутопии, в которых достижения науки внедряются без общественных дебатов, а люди, не соответствующие каким-то критериям нормальности, осуждаются. Автор также видит в тенденциях развития генетики возвращение к мягкой евгенике.

Защищая эпигенетическую парадигму, В.А. Бажанов признает взаимодополняемость генетики и эпигенетики и метафоричность понятия «политическая биология», однако отвергает мнение об агрессивности и несостоятельности претензий политической биологии, отмечая, что стремление к истине само по себе отвечает сути научной деятельности. Политизация биологии, да и знания в целом, существует и сейчас, а конфиденциальность личных данных хотя

и может быть нарушена при эпигенетической экспертизе, но уже нарушена современными технологиями. С чем можно согласиться без оговорок, так это с итоговым резюме участников полемики, которые сходятся в необходимости социально-гуманитарной экспертизы эпигенетических технологий для предотвращения неблагоприятных для общества последствий и полагают открытыми большинство вопросов, поднятых в ходе дискуссии, включая соотношение научных рекомендаций и личной свободы, оценку генетической инженерии, критерии экспертизы.

Итак, онтологии научного, социального и политического в современности переплелись, думается, как никогда тесно. Стихийное развитие науки, политическая идеологизация, коммерциализация знания и многие другие тенденции могут нести угрозу обществу и иметь нежелательные теневые последствия. Думается, что позиция внеморальности науки и возложения ответственности за применение научных результатов только на политиков выглядит устарелой и также небезопасной для общества. Расширяются возможности влияния на общество, появляются все новые инструменты контроля, вмешательства в частную жизнь. Хочется согласиться с участниками завершающей монографию дискуссии, что эпигенетические идеи могут обернуться дискриминацией и сегрегацией граждан с опорой на научное обоснование. Подобную перспективу видят вероятной и другие специалисты, анализирующие отношения науки, общества и власти. Для дальнейшего исследования представляются актуальными и проблемы различения подлинной и имитационной науки, сотрудничества науки и политики или невольного использования в политических целях научных теорий или самих ученых. Как отличить «хороших» ученых, которым нужно дать больше политической субъектности, от «плохих»? Как согласовать предъявляемое ученым требование объективности и беспристрастности с призывом включить науку в политику, какими должны быть этика и нормы политического участия, как при всем этом не забыть об автономности развития науки? Как совместить эпистемологическую исключительность, присущую науке, с общественной демократией? Эти и многие другие вопросы остаются открытыми для новых исследований и поиска аргументов в пользу той или иной точки зрения.

## Список литературы

Лэйси, 2008 – *Лэйси Х.* Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. М.: Логос, 2008. 360 с.

Порус, Бажанов (ред.), 2023 – Наука как политический субъект. Проблемы, аналитика, дискуссии: монография / Под ред. В.Н. Поруса и В.А. Бажанова. М.: Русское общество истории и философии науки, 2023. 327 с.

Фуллер, 2020 – *Фуллер С.* Кун против Поппера: Борьба за душу науки / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 272 с.

Rampton, Stauber, 2001 – *Rampton Sh., Stauber J.* Trust Us, We're Experts!: How Industry Manipulates Science and Gambles with Your Future. N.Y.: Jeremy P. Tarcher/Putnam, 2001. 360 p.

Stenberg, 1996 – *Stenberg L.* Seyyed Hossein Nasr and Ziauddin Sardar on Islam and science: Marginalization or modernization of a religious tradition // Social Epistemology. 1996. No. 10 (3–4). P. 273–287.

The New Shorter Oxford English Dictionary, 1993 – The New Shorter Oxford English Dictionary. Thumb Edition / Ed. by L. Brown. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1993. 3801 p.

## Ontology of interaction: politicization of science and "scientization" of politics

***Alexey M. Konopkin***

Ulyanovsk State Pedagogical University Named After I. Ulyanov. 4/5 Lenin sq., 432071, Russian Federation; e-mail: amkonopkin@yandex.ru

The article analyzes the discussions on modern relations between science, society and government power on the material of the collective monograph "Science as a Political Subject. Problems, analytics, discussions" (Moscow: ROIFN, 2023. 327 pp.). The aim of the article is to prove the best way to harmonize relations between these spheres of society is making science a political subject and providing for more autonomy. Also, author pays attention to cases when public interests, for example, are hyperbolized and turned into a means of simplifying and commercialization of science, or vice versa, scientific ambitions are turned into a means of depletion of society's resources. The role of the political sphere as a mediator of public interests is shown as particularly complex. Agreeing in general with the co-authors of the monograph in the insufficiency of social and political weight of modern science, the author of the article believes that the way to increase the political role of science can be not so much in democratization of society (science in non-democratic societies often had more influence), and not increasing the positive influence of science on society through medical, biological expertise, proposed by some co-authors of the monograph (neuroscience, epigenetic expertise can easily become a tool of political pressure on society). Science can gain rights by recognizing the subjectivity of science as subordinate to the source of subjectivity and through this gaining a limited autonomy, which must be defended. Special attention is paid to the prospects and dangers of political biology and political science, models of interaction between science and society in the expertise of projects.

***Keywords:*** science, ideologization of science, political subjectivity, neuroscience

## References

Lacey, H. *Svobodna li nauka ot tsennostei? Tsennosti i nauchnoe ponimanie* [Is Science Value-Free? Values and Scientific Comprehension]. Moscow: Logos Publ., 2008. 360 pp. (In Russian)

*Nauka kak politicheskii sub"ekt. Problemy, analitika, diskussii* [Science as Political Subject. Problems, analysis, discussions], ed. by V.N. Porus, V.A. Bazhanov. Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki Publ., 2023. 327 pp. (In Russian)

Fuller, S. *Kun protiv Poppera: Bor'ba za dushu nauki* [Kuhn vs Popper: The Struggle for the Soul of Science]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya" Publ., 2020. 272 pp. (In Russian)

Rampton, S., Stauber, J. *Trust Us, We're Experts!: How Industry Manipulates Science and Gambles with Your Future*. New York: Jeremy P. Tarcher/Putnam, 2001. 360 pp.

Stenberg, L. "Seyyed Hossein Nasr and Ziauddin Sardar on Islam and science: Marginalization or modernization of a religious tradition", *Social Epistemology*, 1996, no. 10 (3–4), pp. 273–287.

*The New Shorter Oxford English Dictionary*, thumb edit., ed. by L. Brown, Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1993. 3801 pp.